

СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕГЛАСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

О.В. Каплина, А.Р. Туманянц, И.А. Крицкая

Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого, г. Харьков, Украина

Информация о статье

Дата поступления –
25 февраля 2021 г.
Дата принятия в печать –
11 февраля 2022 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2022 г.

Анализируются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, касающиеся процессуального порядка проведения негласных следственных действий в уголовном процессе. Выделяются стандарты обеспечения их законности. С целью всестороннего раскрытия данной проблематики также используется компаративный подход к исследованию, который способствовал выяснению особенностей воплощения выделенных стандартов в законодательстве некоторых стран.

Ключевые слова

Уголовный процесс, досудебное расследование, негласная деятельность, негласные следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, следственные действия, правовая позиция Европейского Суда по правам человека, компаративный анализ

STANDARDS FOR ENSURING THE LEGALITY OF COVERT ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS THROUGH THE PRISM OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Oxana V. Kaplina, Anush R. Tumanyants, Irina O. Kritskaya

Yaroslav Mudryi National Law University, Kharkiv, Ukraine

Article info

Received –
2021 February 25
Accepted –
2022 February 11
Available online –
2022 June 20

The subject of research is the implementation of covert activities in criminal proceedings through the prism of international acts, decisions of the European Court of Human Rights. The purpose of the work is to formulate common standards for ensuring the legality of implementing covert activities in criminal process through the prism of legal positions of the European Court Of Human Rights.

The methodological basis or research is the totality of general and special scientific methods of scientific cognition. The formal-legal (legal-technical) method was used to study the rules of law, to analyze the features of legal technique; and the hermeneutical method revealed the legal content of the norms, legislative proposals and defects in legal regulation. The statistical method helped to generalize judicial practice of ECHR. While building up the system of the standards for the ensuring the legality of implementing covert activities in criminal process we used the system-structural method.

The main results and conclusions. The analysis of the legal positions of the ECHR made it possible to conditionally single out the following standards for ensuring the legality of the implementation of covert activity in criminal proceedings:

– predictability. Its essence lies in the fact that the grounds, procedural order, conditions, timing, the circle of persons and crimes in relation to which it is allowed to carry out covert activities should be as detailed, clear and accurate as possible in the criminal procedural legislation. Moreover, any person had the opportunity to familiarize himself with the relevant regulatory prescriptions and foresee the actions that can be carried out in relation to him;

Keywords

Criminal procedure, pre-trial investigation, covert activity, covert investigative actions, operational-search activity, investigative actions, legal position of the European Court of Human Rights, comparative analysis

– warranty against abuse. The content of this standard can be disclosed by more detailed highlighting of clarifying provisions ("substandards"). These include: control of interference in human rights and freedoms; the certainty of the circle of persons in relation to whom it is possible to carry out secret activities; limited corpus delicti, for the purpose of investigation or prevention of which covert activity is allowed; the existence in national legislation of procedures that facilitate the law of the implementation of covert activity in criminal proceedings; the temporary nature of the implementation of secret activities in the criminal process;

– verifiability. The essence of this standard can be disclosed through the establishment of judicial control over the decision of the issue regarding the possible destruction of information obtained in the course of conducting covert activities, which is not relevant to criminal proceedings, as well as the requirement for the mandatory opening of decisions that were the basis for conducting covert investigative actions;

– exclusivity. The main content of this standard is that covert activity in criminal proceedings can be carried out only in cases where the disclosure or prevention of a crime in another way is impossible or is too complicated;

– proportionality of the intervention and its expediency. The essence of this standard is that the implementation of certain covert coercive actions that are associated with the restriction of human rights and freedoms must be proportionate to the goals for which such actions are directed. Moreover, these goals and the applied coercion must be necessary in a democratic society;

– inadmissibility of tacit interference in the communication of some subjects. First of all, this requirement concerns the need to legislatively guarantee non-interference in communication between a lawyer and his client, a priest and an accused, etc., which means a ban on targeted control over the communication of certain subjects, as well as the obligation to destroy information obtained in the course of an accidental, situational interfering with their communication.

1. Введение

1.1. Постановка проблемы и ее актуальность

Соблюдение баланса между проведением эффективного досудебного расследования и достижения целей уголовного процесса одновременно с обеспечением прав и свобод человека требует от законодателя постоянного совершенствования правовой регламентации уголовной процессуальной деятельности, преодоления нормативной неопределенности по данному аспекту, а также стремления к единообразию в правоприменительной практике. Необходимым условием указанного является выделение единых требований, стандартов к такой деятельности на основании анализа правовых позиций Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд), юрисдикция которого признана большинством европейских государств, а также сравнительно-правового исследования опыта различных стран. Особенно важно определение таких стандартов в аспекте осуществления негласной деятельности¹ в уголовном процессе, учитывая повышенную степень

вмешательства в права и свободы человека в процессе ее проведения.

1.2. Анализ основных публикаций

Исследованием различных аспектов, касающихся проведения негласной, а также оперативно-розыскной деятельности (учитывая отсутствие нормативного урегулирования негласных следственных действий в законодательстве отдельных государств) занималось значительное число ученых, в частности Б.К. Амирханов [1], А.К. Бекишев [2], В.Д. Берназ [3], Р.И. Благута [4], Н.О. Гольдберг [5], Е.А. Доля [6], Е.С. Дубоносов [7], В.И. Капканов [8], Н.Е. Орунбаев [9], Н.А. Погорецкий [10], Д.Б. Сергеева [11], В.Ю. Стельмах [12], С.Р. Тагиев [13], В.Г. Уваров [14] и др. Кроме ученых государств постсоветского пространства вопросы осуществления негласных мероприятий, направленных на получение доказательственной информации в уголовном процессе, также стали предметом исследований представителей западных государств, таких как М. Бошкович, И. Горан [15], З. Немчик [16], Б. Лофтус, Б. Гулд, Ш. Мак Джиолабхуи [17], Дж.Е. Росс [18], К. Харфилд [19] и мн. др.

¹ Далее по тексту для преодоления терминологического разнообразия в законодательстве разных государств как

синонимы используются понятия «негласная деятельность», «негласные следственные действия», «негласные розыскные мероприятия».

В рамках нашего исследования отметим, что некоторые научные труды посвящены также непосредственно проблематике негласной деятельности в контексте правовых позиций ЕСПЧ (однако, в большинстве своем, касательно вопросов разграничения провокации и правомерных процессуальных способов получения доказательств). В частности, речь идет о публикациях таких исследователей, как С.О. Гриненко, А.М. Дроздов, С.С. Кудинов, Р.М. Шехавцов [20], Ю.А. Кавкаева, Т.А. Калентьева [21], С.И. Жалдак [22], Д.В. Кольцов [23], М.В. Лапатников [24], Дж. Макбрайд [25], Л.В. Майорова [26], Т.А. Табункина [27] и др. Учитывая наличие в нашей работе компаративного аспекта, стоит обратить внимание также на публикации ученых, в которых в той или иной мере освещаются вопросы урегулирования негласных следственных действий в законодательстве разных государств, а именно: М.В. Багрий, В.В. Луцик [28], М.С. Колосович [29], А.Н. Ахпанов, А.Л. Хан [30], А.В. Савченко [31] и некот. др. никоим образом не преуменьшая значения этих работ в изучении вопросов осуществления негласной деятельности в уголовном процессе, отметим, что на данный момент отсутствует отдельное комплексное исследование, посвященное выделению и характеристике стандартов обеспечения законности осуществления негласной деятельности в уголовном процессе на основе правовых позиций, сформированных в решениях ЕСПЧ, а также их воплощения в законодательстве отдельных государств.

1.3. Цель и задачи

Таким образом, целью данной статьи является научное осмысление правовых позиций ЕСПЧ, что позволит выделить стандарты обеспечения законности осуществления негласной деятельности в уголовном процессе, сформулировать суть таких стандартов, а также проанализировать особенности их воплощения в законодательстве различных стран.

2. Стандарты проведения негласных следственных действий

Системный анализ уголовного процессуального законодательства, а также правовых подходов, сформулированных в решениях ЕСПЧ, дает основания вычленить следующие стандарты проведения негласных следственных действий: (1) предвидимость; (2) гарантированность от злоупотреблений; (3) проверяемость; (4) исключительность; (5) про-

порциональность вмешательства и его целесообразность; (6) недопустимость негласного вмешательства в коммуникацию некоторых субъектов. Перейдем к рассмотрению конкретных стандартов.

2.1. Предвидимость

Выделенный стандарт прежде всего касается качества закона, и его суть заключается в том, что основания, процессуальный порядок, условия, сроки проведения, круг лиц и преступлений, относительно которых допускается осуществление негласной деятельности, должны быть максимально детально, ясно и точно прописаны в уголовном процессуальном законодательстве, с тем чтобы любое лицо имело возможность ознакомиться с соответствующими нормативными предписаниями и предвидеть те действия, которые могут быть осуществлены относительно него. В виду этого следует согласиться с мнением о том, что в сфере уголовно-процессуальных правоотношений главной задачей как законодателя, так и правоприменителя является разработка, внедрение в практику и безукоризненное соблюдение правовых норм, обеспечивающих, с одной стороны, выполнение функций государства по обеспечению национальной и общественной безопасности, защите прав физических и юридических лиц от противоправных посягательств, а с другой стороны, исключаящих необоснованное нарушение или ограничение конституционных прав и свобод человека [32, с. 132].

ЕСПЧ в своих правовых позициях неоднократно указывал на требования, касающиеся качества закона, которым, в том числе, регламентируется осуществление негласной деятельности в уголовном процессе. Так, разъясняя смысл выражения «в соответствии с законом», Суд подчеркивает важность соблюдения следующих требований: (1) оспариваемое вмешательство должно иметь определенное основание в национальном законодательстве; (2) само законодательство должно быть доступно соответствующему лицу, относительно которого подобные меры могут быть применены; (3) последствия применения соответствующего закона должны быть предсказуемыми и предвидимыми для лица, относительно которого может осуществляться негласная деятельность (п. 25 решения по делу «Михайлюк и Петров против Украины» от 10 декабря 2009 г.², п. 91 решения по делу «Дудченко против России» от 7 но-

² Рішення у справі «Михайлюк та Петров проти України» от 10.12.2009 р. (заява № 11932/02). URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/974_500.

ября 2017 г.³, п. 123 решения по делу «Зубков и другие против России» от 7 ноября 2017 г.⁴).

Кроме того, в некоторых своих решениях («Класс и другие против Германии» от 6 сентября 1978 г.⁵, «Люди против Швейцарии» от 15 июня 1992 г.⁶, «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г.⁷ и др.) ЕСПЧ напоминает, что необходимо устанавливать ясную и предвидимую процедуру по осуществлению следственных мероприятий, так же как и специального контроля, чтобы обеспечить добросовестность со стороны органов государственной власти и соблюдение должных целей со стороны правоохранительных органов.

В контексте сравнительно-правового анализа зарубежного опыта следует отметить, что систематизация существующих моделей закрепления процессуального порядка осуществления негласных следственных действий в уголовном процессе в нормативно-правовых актах некоторых государств позволяет условно выделить несколько вариантов законодательного урегулирования указанных вопросов:

1) одновременное определение общих положений проведения негласных следственных действий (таких, как условия, основания, порядок санк-

ционирования, документирования и т. д.), а также детализация процедуры осуществления отдельных негласных следственных мероприятий (Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Казахстан⁸, Уголовно-процессуальный закон Латвии⁹, УПК Республики Молдова¹⁰, УПК Украины¹¹, УПК Эстонской Республики¹²);

2) детализация процедуры проведения конкретных негласных следственных мероприятий без определения общих положений их осуществления (УПК Федеративной Республики Германия¹³);

3) регламентация порядка осуществления некоторых негласных следственных действий без выделения их в отдельную группу розыскных мероприятий (УПК Республики Беларусь¹⁴, УПК Литовской Республики¹⁵, УПК РФ¹⁶, УПК Французской Республики¹⁷).

2.2. Гарантированность от злоупотреблений

Обращаясь к правовым позициям ЕСПЧ в контексте анализа данного стандарта, отметим, что по мнению Суда требование «в соответствии с законом» означает, в том числе, что предоставление правовой дискреции органам исполнительной власти в виде неограниченных полномочий было бы несовместимым с принципом верховенства права (п 49,

³ Решение по делу «Дудченко против России» от 07.11.2017 г. (жалоба № 37717/05). URL: https://sledcom.ru/documents/Postanovlenija_Evropejskogo_suda/item/1245253.

⁴ Решение по делу «Зубков и другие против России» от 07.11.2017 г. (жалобы №№ 29431/05 и 2 другие жалобы). URL: https://sledcom.ru/documents/Postanovlenija_Evropejskogo_suda/item/1245253.

⁵ Решение по делу «Класс и другие против Германии» от 06.09.1978 г. (жалоба № 5029/71). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/klass-i-drugie-protiv-federativnoj-respubliki-germanii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

⁶ Решение по делу «Люди против Швейцарии» от 15.06.1992 г. (жалоба № 12433/86). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/lyudi-protiv-shvejcarii-ludi-v-switzerland-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

⁷ Решение по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26.10.2006 г. (жалоба № 59696/00) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.06.2014 г. № 231-В (с изм. и доп.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=2210400.

⁹ Уголовно-процессуальный закон Латвии: принятый Сеймом 21.04.2005 г. и одобренный Президентом государства 11.05.2005 г. // Biznesa informācijas birojs: Законы Латвии по-русски. URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122-XV (с изм. и доп.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#pos=30;-15&sub_id2=1020000&sel_link=1001129174.

¹¹ Кримінальний процесуальний кодекс України: Закон України від 13.04.2012 р. № 4651-VI. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12.02.2003 г., RT I 2003, 27, 166. URL: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ruseadused/УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС 2010.06.2018.pdf>.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии от 01.02.1877 г. (с изм. и доп.). URL: [http://pravo.org.ua/files/_1\).pdf](http://pravo.org.ua/files/_1).pdf).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3. URL: <http://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks>.

¹⁵ Закон про ухвалення, затвердження та набуття чинності Кримінально-процесуального кодексу Литовської Республіки від 14.03.2002 р. № I-785. URL: http://pravo.org.ua/files/_%282%29.pdf.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019 г., с изм. от 17.04.2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Code de procédure pénale (Version consolidée au 12 avril 2019). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154&dateTexte=20170531>.

51 решения по делу «Волохи против Украины» от 2 ноября 2006 г.¹⁸). Кроме того, ЕСПЧ также указывает на важность существования адекватных и эффективных гарантий, способных нивелировать возможные злоупотребления. В частности, в решении по делу «Узун против Федеративной Республики Германия» от 2 сентября 2010 г. Суд отметил, что, во-первых, GPS-слежение могло быть использовано только в отношении преступлений значительной тяжести, если другие методы были менее перспективными или более сложными; во-вторых, отсутствие установленных законом ограничений на продолжительность наблюдения устранялась проверкой национальными судами соответствия мероприятий; в-третьих, законодательно не было необходимо устанавливать требование о предоставлении предварительного разрешения на наблюдение со стороны независимого органа, поскольку полномочия уголовных судов по проведению *ex post facto* проверки законности такого наблюдения (и исключению доказательств, полученных незаконно) обеспечивали достаточную защиту от произвола¹⁹. А в решении по делу «Крюслен против Франции» ЕСПЧ констатировал отсутствие гарантий минимальной степени защиты, на которую вправе рассчитывать граждане в условиях верховенства права в демократическом обществе, основываясь на том, что в законодательстве не были определены категории лиц, телефоны которых могут прослушиваться по решению суда, так же как и не определен характер правонарушений, при которых возможно прослушивание. Более того, ничто не обязывало судью определять продолжительность данного мероприятия²⁰.

Таким образом, содержание данного стандарта может быть раскрыто путем более детализирующего выделения уточняющих положений («суб-стандартов»):

- контролируемость вмешательства в права и свободы человек;
- определенность круга лиц, относительно которых возможно осуществление негласной деятельности;
- ограниченность ряда преступлений, с целью расследования либо предотвращения которых допускается осуществление негласной деятельности;

– наличие в национальном законодательстве процедур, способных гарантировать законность осуществления негласной деятельности в уголовном процессе;

– временный характер осуществления негласной деятельности в уголовном процессе.

Рассматривая требование относительно контролируемости вмешательства в права и свободы человек, следует прежде всего отметить предпочтительность судебного порядка санкционирования негласной деятельности одновременно с установлением допустимых исключений из указанного требования. В этом контексте также стоит согласиться с тезисом о том, что ограничение конституционных прав граждан при осуществлении негласной (либо оперативно-розыскной) деятельности является неотъемлемой частью расследования. Вместе с тем, соглашаясь с необходимостью ограничения конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу такой деятельности, для достижения целей и решения ее задач важным является определение того, насколько эти права допустимо ограничивать, при каких основаниях и условиях, в каком порядке обжаловать действия и решения должностных лиц органов, осуществляющих такую деятельность [33, с. 187].

Подход относительно превалирующей роли суда в предоставлении разрешения на проведение негласных следственных действий прослеживается во многих правовых позициях ЕСПЧ. Так, по мнению Суда, верховенство права в том числе (*inter alia*) предусматривает, что вмешательство органов исполнительной власти в права лиц должно подлежать эффективному контролю, который обычно осуществляется судебным органом не менее чем как последней инстанции, поскольку именно судебный контроль предоставляет наибольшие гарантии независимости, беспристрастности и осуществления надлежащего производства (п. 52 решения по делу «Волохи против Украины» от 2 ноября 2006 г.). В то же время стоит отметить, что ЕСПЧ допускает возможность не только предварительного, но и последующего контроля со стороны суда. Так, в решении по делу «Худобин против Российской Федерации» от 26 октября 2006 г. Суд указал на то, что при отсутствии полной

¹⁸ Рішення у справі «Волохи проти України» від 02.11.2006 р. (заява № 23542/02). URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/974_138.

¹⁹ Решение по делу «Узун против Германии» от 02.09.2010 г. (жалоба № 35623/05). // СПС «Консультант Плюс».

²⁰ Решение по делу «Крюслен против Франции» от 24.04.1990 г. (жалоба № 11801/85). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kryuslen-protiv-francii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

системы проверки во время проводимой операции роль более позднего контроля со стороны суда первой инстанции становится решающей (п. 135 указанного решения). Кроме того, ЕСПЧ отметил, что судебный контроль является наиболее подходящим средством по делам, связанным с тайными операциями, при этом отсутствие процедурных гарантий при санкционировании тайной операции порождает риск произвола и провокации полицией (п. 124 решения по делу «Матанович против Хорватии» от 4 апреля 2017 г.)²¹.

Компаративное исследование данного требования свидетельствует о том, что в уголовном процессуальном законодательстве многих государств большинство негласных следственных действий проводится именно с разрешения суда (к примеру, § 100b УПК Германии, ст. 232 УПК Казахстана, ст. 212 Уголовно-процессуального закона Латвии, ст. 132-2 УПК Молдовы, ст. 185–186 УПК РФ, ст. 246–247 УПК Украины, ст. 126-4 УПК Эстонии и т. д.). В то же время в некоторых государствах, в частности в Англии (*Regulation of Investigatory Powers Act 2000*, далее – *RIPA*), Беларуси (ст. 213–214 УПК Беларуси) проведение негласной деятельности в уголовном процессе не предусматривает судебного порядка санкционирования. Так, в Англии постановление о проведении негласных розыскных мероприятий выносится министром внутренних дел²², а в Беларуси – председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицом, исполняющим их обязанности, либо следователем, органом дознания с санкции прокурора или его заместителя.

При этом в большинстве государств уголовным процессуальным законодательством допускается осуществление негласной деятельности при определенных обстоятельствах до получения разрешения суда, но с последующим судебным контролем. В частности, согласно ч. 4 ст. 212 Уголовно-процессуального закона Латвии указывается на «неотложные случаи» без каких-либо уточнений, подобным образом сформулированы и ч. 1 ст. 235 УПК Казахстана, ст. 237 УПК Польши²³, ч. 1 § 100d УПК Германии. При этом ч. 3 ст. 132-4 УПК Молдовы предусматривает, что «в случае явных преступлений, а также в случае

существования обстоятельств, которые не терпят отлагательства, а определение судьбы при этом не может быть получено без риска существенной задержки, что может привести к потере доказательств или поставит под непосредственную угрозу безопасность лиц», некоторые специальные розыскные мероприятия могут быть разрешены на основании мотивированного постановления прокурора. Еще более ограничивает возможности проведения негласных следственных действий до получения судебного разрешения ст. 250 УПК Украины, в которой указывается на исключительные неотложные случаи, связанные со спасением жизни людей и (подчеркнем, что использование соединительного союза «и» предполагает наличие обоих условий) предупреждением совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного разделами I, II, VI, VII (ст. 201 и 209), IX, XIII, XIV, XV, XVII Особенной части Уголовного кодекса Украины. Отдельно стоит отметить ч. 3 ст. 126-4 УПК Эстонии, согласно которой в случаях, не терпящих отлагательства, предусмотрена процедура получения упрощенного, устного разрешения суда с последующим его письменным оформлением.

При этом уголовным процессуальным законодательством перечисленных государств предусмотрена необходимость получения санкции суда после начала проведения негласного следственного действия: в течение 24 ч (Казахстан, Молдова), не позже следующего рабочего дня (Латвия), в трехдневный срок (Германия, Литва, Польша). В УПК Украины конкретного срока обращения к следственному судье за последующим судебным контролем не предусмотрено, а используется оценочное понятие «безотлагательно».

Относительно ограниченности ряда преступлений, с целью расследования либо предотвращения которых допускается осуществление негласной деятельности, стоит отметить, что проведенный нами анализ уголовного процессуального законодательства ряда стран позволяет выделить несколько вариантов урегулирования:

(1) Зависимо от тяжести преступления, в том числе наказания за него, а также из-за особой общественной опасности, например когда речь идет об организованной преступности. При этом обратим внимание на то, что чаще всего допускается осу-

²¹ Рішення у справі «Матановіч проти Хорватії» від 04.04.2017 р. (заява № 2742/12). URL: http://unba.org.ua/assets/uploads/publications/Pereklad_rishennya_evr_sudu_13072017.pdf.

²² Regulation of Investigatory Powers Act 2000. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/23/contents>.

²³ Kodeks postępowania karnego: ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970890555/U/D19970555Lj.pdf>.

шествование негласной деятельности по преступлениям, за совершение которых предусматривается ограничение свободы от 1 года (Австрия, Латвия, Казахстан), от 2 лет (Франция), от 3 лет (Россия). В то же время в УПК Украины большинство негласных следственных (розыскных) действий, за исключением установления местонахождения радиоэлектронного средства, а также снятия информации с электронных информационных систем или ее частей, доступ к которым не ограничивается ее собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты, могут быть проведены только в уголовном производстве относительно тяжких (от 5 лет лишения свободы) и особо тяжких (от 10 лет лишения свободы) преступлений. В контексте указанного стоит отметить, что подобное ограничение негативно оценивается многими украинскими правоприменителями, поскольку иногда вынуждает правоохранителей прибегать к искусственному «завышению» квалификации. К примеру, принятие предложения, обещания или получение должностным лицом неправомерной выгоды (ч. 1 ст. 368 Уголовного кодекса Украины) относится к преступлениям средней тяжести, в то же время документирование данного преступления без проведения негласной деятельности может быть слишком усложнено либо практически невозможно.

(2) Зависимо от специфики и целенаправленности конкретных негласных (либо специальных) следственных действий (Англия, Германия, Польша). Речь идет о том, что возможность проведения конкретных негласных следственных действий зависит не от тяжести преступления, а от характера самого негласного мероприятия и конкретного состава преступления, т. е. насколько определенное действие может быть целесообразным и необходимым для раскрытия или предотвращения преступления определенного рода или вида.

Касательно закрепления в национальном законодательстве процедур, способных гарантировать законность осуществления негласной деятельности в уголовном процессе, следует отметить, что к таким процедурам, в частности, могут быть отнесены: (а) предусмотренная возможность обжалования решений о проведении негласных следственных действий или их результатов (ч. 2 ст. 126-14 УПК Эстонии, ч. 5 ст. 240 УПК Казахстана); (б) установленные требования относительно периодической отчетности о проведенных негласных следственных действиях (§ 100e УПК Германии); (в) необходимость надлежащего документирования проводимых негласных мероприятий, которое дало бы возможность впослед-

ствии проверить их законность (ч. 5 ст. 132-5 УПК Молдовы), и т. д.

Обращаясь к правовым позициям ЕСПЧ по данному аспекту, отметим, например, что в решении по делу «Матанович против Хорватии» от 4 апреля 2017 г. (п. 124) Суд акцентировал внимание на том, что выполнение имитированной закупки, проведенной тайным агентом или осведомителем, должно быть, в частности, задокументировано таким образом, который бы позволил проводить дальнейшую независимую проверку действий участников.

Требование относительно временного характера осуществления негласной деятельности в уголовном процессе, в первую очередь, касается того, что любые негласные следственные действия, независимо от их вида и цели проведения, не могут осуществляться бессрочно и должны быть некоторым образом ограничены во времени; при этом допускается возможность их продления также на ограниченный срок в случаях, когда это обоснованно необходимо для целей уголовного производства.

Так, в соответствии с правовой позицией ЕСПЧ, сформулированной в решении по делу «Волохи против Украины» от 2 ноября 2006 г., Суд подчеркнул, что если закон не содержит указания, в частности, относительно сроков ограничения прав лица, следует констатировать ненадлежащее «качество» подобных правовых положений.

Сравнительно-правовой анализ уголовного процессуального законодательства некоторых государств свидетельствует о том, что большинство нормативно-правовых актов содержит предписания относительно максимальных сроков проведения негласных следственных действий, а также сроков продления: 15 дней (УПК Франции), 4 недели (мероприятия без ведома затронутого лица по УПК Германии), 30 дней (УПК Казахстана, Уголовно-процессуального закона Латвии, УПК Молдовы), 2 месяца (УПК Украины), 3 месяца (контроль за средствами коммуникации по УПК Германии), 6 месяцев (контроль и запись переговоров по УПК РФ). При этом, к примеру, ст. 213–214 УПК Беларуси не предусматривают конкретных сроков проведения негласных мероприятий, а содержат только указание на то, что они не могут осуществляться свыше срока предварительного расследования по уголовному делу.

2.3. Проверяемость

Суть данного стандарта, на наш взгляд, может быть раскрыта через установление судебного контроля за решением вопроса относительно возможного уничтожения информации, полученной в ходе проведения негласной деятельности, которая не

имеет значения для уголовного производства, а также требование об обязательности открытия решений, которые были основанием проведения негласных следственных действий. Речь идет о том, что стороне защиты должны быть открыты не только результаты проведенных негласных следственных действий, но и те решения, которые были основанием и санкцией для их проведения, поскольку в противном случае у обвиняемого лица и его защитника не будет возможности проверить и, если для это необходимо, обжаловать законность и обоснованность осуществленной негласной деятельности, допустимость доказательств, полученных в ходе ее проведения.

Правовая позиция ЕСПЧ, позволяющая выделить указанный стандарт, сформулирована в решении по делу «Матанович против Хорватии» от 4 апреля 2017 г. В частности, Суд отметил, что в системах, где органы прокуратуры обязаны, согласно закону, принимать во внимание как факты против обвиняемого, так и те, которые есть в его пользу, процедура, согласно которой сами органы прокуратуры пытаются оценить то, что может иметь или не иметь отношения к делу, без каких-либо дальнейших процессуальных гарантий защиты прав, не могут отвечать требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) (п. 182 данного решения). Подобная аргументация приводится ЕСПЧ также в решении по делу «Натунен против Финляндии» – п. 47–49).

В рамках компаративного исследования данного стандарта отметим, что уголовное процессуальное законодательство многих стран содержит предписание о том, что материалы, полученные в результате осуществления негласной деятельности, сохраняются до окончания судебного разбирательства и принятия решения по сути, при этом именно на суд возложено полномочие оценивать значимость конкретных материалов для интересов дела и принимать решение об их уничтожении в случае необходимости (ст. 240 УПК Казахстана, ст. 231–232 Уголовно-процессуального закона Латвии, ч. 12 ст. 132–9 УПК Молдовы, ст. 237 УПК Польши, ст. 126–12 УПК Эстонии). Однако в негативном ключе следует отметить порядок разрешения этого вопроса в УПК Украины, поскольку ч. 1 ст. 255 предписывает, что именно прокурор принимает решение о том, что определенные материалы, полученные в результате проведенных негласных следственных (розыскных) действий, не являются необходимыми для дальнейшего проведения досудебного расследования и поэтому могут быть уничтожены [10].

Рассматривая второй аспект, т. е. обязательность открытия решений, которые были основанием проведения негласных следственных действий, сквозь призму практики ЕСПЧ, также обратимся к уже упомянутому решению по делу «Матанович против Хорватии». Так, в п. 151 Суд отмечает, что основным аспектом права на справедливое судебное разбирательство является то, что уголовное производство, в том числе элементы такого производства, связанные с процедурой, должны быть соревновательными и между обвинением и защитой должно быть равенство сторон. Право на состязательность означает, что в уголовном деле и обвинению, и защите должна быть предоставлена возможность быть уведомленными, а также комментировать представленные замечания и доказательства, представленные другой стороной. В то же время ЕСПЧ подчеркнул, что право на открытие соответствующих доказательств не является абсолютным. В любом уголовном производстве могут существовать конкурирующие интересы, такие как национальная безопасность, необходимость защиты свидетелей, находящегося под угрозой давления или содержание в тайне методов расследования преступлений полицией, которые должны быть тщательно уравновешены с правами обвиняемого (п. 152). В то же время отказ раскрыть защите материалы, содержащие такие подробности, которые могли бы позволить обвиняемому освободить его или ее или смягчить приговор, будет являться отказом в возможностях, необходимых для подготовки защиты, и поэтому будет представлять собой нарушение права, гарантированного ст. 6 Конвенции (п. 157).

Кроме того, в решении по делу «Зубков и другие против России» от 7 ноября 2017 г. ЕСПЧ дополнительно конкретизировал, что информация, содержащаяся в решениях, которые предоставляли разрешение на скрытое наблюдение, может быть критической для способности человека открыть производство для обжалования законных и фактических оснований для назначения скрытого наблюдения. При этом отказ раскрывать разрешения на наблюдение без каких-либо веских причин, по мнению ЕСПЧ, лишает человека всякой возможности обеспечить законность мероприятия и его «необходимость в демократическом обществе», рассмотреть независимым судом в свете соответствующих принципов ст. 8 Конвенции (п. 129–132).

2.4. Исключительность

Основное содержание указанного стандарта заключается в том, что негласная деятельность в уго-

ловном процессе может осуществляться только в тех случаях, когда раскрытие или предотвращение преступления другим путем невозможно либо же слишком усложнено. В то же время в большинстве своих правовых позиций ЕСПЧ обосновывает необходимость не только формально указать на невозможность установить определенные сведения другим путем, но и подтвердить это должными аргументами. В частности, в решении по делу «Матанович против Хорватии» от 4 апреля 2017 г. Суд отметил, что в этом деле, как и в деле Драгоевич, решение следственного судьи о применении тайных мероприятий наблюдения содержало установленное законом выражение «расследование не могло проводиться с помощью других средств или это было бы чрезвычайно сложно». Однако при этом не было соответствующего обоснования особых обстоятельств дела, а также, в частности, не указывалось, почему следствие не могло быть проведено с помощью других, менее серьезных (интрузивных), средств. Таким образом, как и в деле относительно Драгоевича, отсутствие обоснования в решении следственного судьи, одновременно с обходом национальными судами этого отсутствия обоснования с помощью ретроспективного обоснования использования тайного наблюдения, противоречило соответствующему национальному законодательству и поэтому не обеспечивало на практике надлежащие гарантии против различных возможных злоупотреблений.

Подобная позиция сформулирована ЕСПЧ и в решении по делу «Дудченко против России» от 7 ноября 2017 г., в соответствии с п. 98 которого единственным основанием для проведения наблюдения, выдвинутым национальным судом, была «невозможность получения сведений о незаконной деятельности [заявителя] в ходе гласного расследования», притом что суд не пояснил, каким образом он пришел к такому выводу. При этом Суд считает, что такая расплывчатая и необоснованная формулировка не является достаточной для дачи разрешения на негласное наблюдение в течение столь длительного срока (180 дней), которое привело к серьезному нарушению права заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции.

²⁴ Рішення у справі Бен Файза проти Франції від 08.02.2018 р. (заява № 31446/12). URL: <http://unba.org.ua/publications/3016-espl-prijnyav-rishennya-u-spravi-ben-fajza-proti-francii.html>.

Проводя систематизацию нормативных предписаний, касающихся данного требования, в уголовном процессуальном законодательстве некоторых государств, отметим, что большинство из них содержат такое условие (либо основание) для проведения негласных следственных действий, как невозможность иным путем реализовать цели уголовного производства или риск существенного усложнения расследования преступления (§ 100с УПК Германии, п. 1 ч. 2 ст. 132-1 УПК Молдовы, ч. 2 ст. 246 УПК Украины, ч. 2 ст. 126-1 УПК Эстонии и т. д.).

2.5. Пропорциональность вмешательства и его целесообразность

Суть указанного стандарта состоит в том, что осуществление определенных негласных принудительных действий, которые связаны с ограничением прав и свобод человека, должно быть соразмерно тем целям, на которые такие действия направлены, при чем эти цели и применяемое принуждение должны быть необходимы в демократическом обществе.

К примеру, по мнению ЕСПЧ законными и надлежащими целями могут считаться: защита национальной безопасности, общественного порядка, прав жертв и предупреждение преступности (решение по делу «Узун против Федеративной Республики Германия» от 2 сентября 2010 г.) [18]; предотвращение беспорядков или преступлений или защита общественного здоровья, а также проведение масштабной операции по борьбе с торговлей наркотиками (решение по делу «Бен Файза против Франции» от 8 февраля 2018 г.)²⁴; борьба с организованной преступностью и коррупцией (решение по делу «Раманаускас против Литвы» от 5 февраля 2008 г.)²⁵.

На примере решения по делу «Узун против Федеративной Республики Германия» от 2 сентября 2010 г. можно указать на то, что по мнению ЕСПЧ адекватная соразмерность негласного вмешательства в права и свободы человека имеет место в тех случаях, когда, в частности, GPS-наблюдение проводилось в течение относительно короткого периода (около трех месяцев) и касалось заявителя только тогда, когда он находился в автомобиле своего сообщника. Таким образом, нельзя было утверждать, что заявитель подвергался общему и всеобъемлющему надзору.

²⁵ Решение по делу «Раманаускас против Литвы» от 05.02.2008 (жалоба № 74420/01). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ramanauskas-protiv-litvy-postanovlenie-bolshoj-palaty-evropejskogo-suda/>.

В контексте анализа данного стандарта следует также уточнить, что именно ЕСПЧ понимает под словосочетанием «необходимый в демократическом обществе»: вмешательство считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели в том случае, если оно отвечает «насущной социальной потребности» и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными» (см., к примеру, решения по делам «Дудченко против Российской Федерации», «Зубков и другие против Российской Федерации» от 7 ноября 2017 г.). При этом критериями для оценки пропорциональности вмешательства в контексте негласного наблюдения являются характер, объем и продолжительность наблюдения, основания для разрешения наблюдения, компетентные органы, уполномоченные разрешать, осуществлять и контролировать наблюдение, а также вид средств правовой защиты, предусмотренных внутригосударственным законодательством.

В контексте рассмотрения данного стандарта сквозь призму сравнительно-правового анализа отметим, что, к примеру, п. 3 ч. 2 ст. 132-1 УПК Молдовы как условие проведения специальных розыскных мероприятий предусматривает то, что подобное действие необходимо и соразмерно ограничению основных прав и свобод человека. Статья 211 Уголовно-процессуального закона Латвии в качестве целей проведения специальных следственных действий рассматривает их необходимость для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, а также для незамедлительного предотвращения существенной угрозы общественной безопасности. Для иллюстрации случаев, когда ущерб от непроведения определенного негласного следственного действия несоразмерен тому, какой вред может быть нанесен, если оно будет проведено, приведем нормативное предписание, закрепленное в ч. 2 ст. 271 УПК Украины, согласно которому «контроль за совершением преступления не проводится, если в результате таких действий невозможно полностью предотвратить: (1) посягательство на жизнь или причинение лицу (лицам) тяжких телесных повреждений; (2) распространение веществ, опасных для жизни многих людей; (3) побега лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления; (4) экологической или техногенной катастрофы».

2.6. Недопустимость негласного вмешательства в коммуникацию некоторых субъектов

Прежде всего данное требование касается необходимости законодательного гарантирования невмешательства в общение между адвокатом и его клиентом, священником и обвиняемым и т. д., которое означает запрет на целенаправленный контроль над общением определенных субъектов, а также обязательность уничтожения информации, полученной в ходе случайного, ситуационного вмешательства в их коммуникацию.

Раскрывая суть указанного стандарта, приведем правовую позицию, сформулированную в решении ЕСПЧ по делу «Дудченко против Российской Федерации» от 7 ноября 2017 г.: «Суд повторяет, что, в то время как статья 8 защищает конфиденциальность любой “корреспонденции” между лицами, она предусматривает усиленную защиту обмена информацией между адвокатами и клиентами, потому что в отсутствие гарантий конфиденциальности переговоров адвокаты были бы лишены возможности защищать своих доверителей» (п. 104). Более того, Суд также указал на минимальные гарантии, которые должны быть обеспечены на законодательном уровне, выделенные им в своей прецедентной практике. В частности, речь идет о том, что законодательство, во-первых, должно точно определить объем привилегии на сохранение адвокатской тайны, а также определить, каким образом, при каких условиях и кем должно проводиться различие между сведениями, составляющими адвокатскую тайну, и сведениями, ее не составляющими. Во-вторых, законодательные положения в отношении процедуры изучения, использования и хранения полученных сведений, мер предосторожности при передаче сведений третьим лицам, обстоятельств, при которых записи могут или должны быть стерты, а материалы – уничтожены, должны предусматривать надлежащие гарантии защиты сведений, составляющих адвокатскую тайну и полученных в результате негласного наблюдения (п. 105–107 указанного решения).

Демонстрируя реализацию данного стандарта в уголовном процессуальном законодательстве некоторых государств, обратим внимание на следующие аспекты. Во-первых, проведение контроля над разговорами адвоката обычно разрешается только в случаях, когда он сам является подозреваемым по делу (УПК Франции, УПК Нидерландов²⁶) либо передаваемая информация может касаться запланированных

²⁶ Criminal Procedure Code of the Kingdom of Netherlands (as of 2012) (English version). URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/12/Netherlands/show>.

[legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/12/Netherlands/show](https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/12/Netherlands/show).

или совершенных преступных деяний (УПК Германии, УПК Казахстана); во-вторых, под иммунитет от негласного вмешательства подпадает не только общение между адвокатом-защитником и подозреваемым, обвиняемым и т. д., но и между адвокатом и любым субъектом независимо от его процессуального статуса. При этом стоит констатировать, что второй аспект не предусмотрен, например, в УПК Украины, поскольку согласно ч. 5 ст. 258 данного нормативного акта запрещено вмешательство только в частное общение защитника, священнослужителя с подозреваемым, обвиняемым, осужденным, оправданным.

3. Выводы

Проведенный анализ правовых позиций ЕСПЧ в аспекте тематики статьи позволил условно выделить

следующие стандарты обеспечения законности осуществления негласной деятельности в уголовном процессе: (1) предвидимость; (2) гарантированность от злоупотреблений; (3) проверяемость; (4) исключительность; (5) пропорциональность вмешательства и его целесообразность; (6) недопустимость негласного вмешательства в коммуникацию некоторых субъектов, – а также выяснить и раскрыть нормативное содержание указанных требований. Кроме того, проведенный сравнительно-правовой анализ уголовного процессуального законодательства отдельных государств позволил выявить некоторые особенности правового регулирования, а также определить перспективные направления совершенствования отечественного законодательства по данному аспекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Amirkhanov B. K. Covert Surveillance in the Structural Elements of the Criminally-Remedial Averment / B. K. Amirkhanov // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2016. – Vol. 7, no. 5. – P. 982–988.
2. Bekishev A. K. Specifics of Covert Investigative Activities in Criminal Proceedings / A. K. Bekishev, A. G. Kan, A. S. Ibrayev, S. S. Dyussebaliyeva, N. S. Ibrayev // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2019. – Vol. 10, no. 1. – P. 58–65. – DOI: 10.14505/jarle.v10.1(39).08.
3. Берназ В. Д. Правова природа поняття та загальна класифікація негласних слідчих (розшукових) дій / В. Д. Берназ // *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція»*. – 2013. – № 5. – С. 226–230.
4. Благута Р. І. Негласні слідчі (розшукові) дії: проблеми підготовки та проведення / Р. І. Благута // *Юридичний вісник Національної академії внутрішніх справ*. – 2013. – № 1. – С. 147–152.
5. Гольдберг Н. О. Забезпечення конституційних прав і свобод особи при проведенні негласних слідчих (розшукових) дій у її житлі та іншому володінні / Н. О. Гольдберг // *Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е. О. Дідоренка*. – 2016. – № 2. – С. 47–58.
6. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : моногр. / Е. А. Доля. – М. : Проспект, 2013. – 376 с.
7. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для вузов. – М. : Юрайт, 2012. – 415 с.
8. Капканов В. И. Проблемы разграничения пресечения преступлений и провокации их совершения / В. И. Капканов // *Уголовное право*. – 2007. – № 6. – С. 116–120.
9. Орунбаев Н. Е. Негласные следственные действия по новому УПК Казахстана / Н. Е. Орунбаев // *Вестник Омской юридической академии*. – 2015. – № 3. – С. 75–77.
10. Погорецький М. А. Негласні слідчі (розшукові) дії та оперативно-розшукові заходи: поняття, сутність і співвідношення / М. А. Погорецький, Д. Б. Сергєєва // *Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика)*. – 2014. – № 2 (33). – С. 137–141.
11. Сергєєва Д. Б. Результати негласних слідчих (розшукових) дій: проблемні аспекти визначення / Д. Б. Сергєєва // *Право і громадянське суспільство*. – 2014. – № 1. – С. 97–106.
12. Стельмах В. Ю. Следственные действия, ограничивающие тайну связи : моногр. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 424 с.
13. Тагієв С. Р. Негласні слідчі (розшукові) дії у кримінальному судочинстві України : моногр. / С. Р. Тагієв. – Київ : Дакор, 2015. – 440 с.
14. Уваров В. Г. Проблеми негласних слідчих (розшукових) дій / В. Г. Уваров // *Право і суспільство*. – 2013. – № 3. – С. 134–140.

15. Goran I. Special measures for covert data collection in criminal proceedings: the judicial perspective / I. Goran, M. M. Bošković. – Belgrade Centre for Security Policy, 2015. – 32 p. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep04787>.
16. Niemczyk Z. The Role of Covert Policing and the Use of Its Results in Criminal Proceedings Involving Unlawful Restraint for Ransom / N. Zbigniew // *Internal Security*. – 2017. – Vol. 9, iss. 1. – P. 123–140. – DOI: 10.5604/01.3001.0010.7440.
17. Loftus B. From a Visible Spectacle to an Invisible Presence: The Working Culture of Covert Policing / B. Loftus, B. Goold, S. MacGiollabhui // *The British Journal of Criminology*. – 2016. – Vol. 56, iss. 4. – P. 629–645. – DOI: 10.1093/bjc/azv076.
18. Ross J. The Place of Covert Surveillance in Democratic Societies: A Comparative Study of the United States and Germany / J. Ross // *The American Journal of Comparative Law*. – 2007. – Vol. 55, iss. 3. – P. 493–579.
19. Harfield C. The Governance Of Covert Investigation / C. Harfield // *Melbourne University Law Revue*. – 2010. – Vol. 34. – P. 773–804.
20. Кудінов С. С. Негласні слідчі (розшукові) дії та використання результатів оперативно-розшукової діяльності у кримінальному провадженні : навч.-практ. посібник / С. С. Кудінов, Р. М. Шехавцов, О. М. Дроздов, С. О. Гриненко. – 3-е вид., розшир. і доповн. – Харків : Оберіг, 2018. – 540 с.
21. Кавкаева Ю. А. Легализация данных орд: проблемы правового регулирования в свете решений ЕСПЧ / Ю. А. Кавкаева, Т. А. Калентьева // *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. – 2019. – № 2. – Т. 1. – С. 177–186.
22. Жалдак С. И. Стандарты нормативно-правовой регламентации негласных актов расследования в европейском уголовном процессуальном законодательстве / С. И. Жалдак // *Вісник Академії адвокатури України*. – 2014. – № 3 (31). – Т. 11. – С. 107–115.
23. Кольцов Д. В. Требования прецедентной практики Европейского суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» / Д. В. Кольцов // *Труды Академии управления МВД России*. – 2019. – № 3 (51). – С. 48–59.
24. Лапатников М. В. Теоретико-прикладные вопросы отграничения провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия с учетом практики Европейского суда по правам человека / М. В. Лапатников // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2014. – № 2 (26). – С. 97–104.
25. McBride J. Human Rights and Criminal Procedure. The case law of the European Court of Human Rights / J. McBride. – 2nd ed. – Council of Europe, 2018. – 529 p.
26. Майорова Л.В. Выявление провокаций в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности с учетом опыта Европейского суда по правам человека / Л.В. Майорова // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2018. – № 3 (32). – С. 21–27.
27. Табункина Т. А. Значение результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу (с учетом практики Европейского суда по правам человека) / Т. А. Табункина // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2016. – № 3 (35). – С. 200–205.
28. Багрий М. В. Процесуальні аспекти негласного отримання інформації: вітчизняний та зарубіжний досвід : моногр. / М. В. Багрий, В. В. Луцик. – Харків : Право, 2017. – 376 с.
29. Колосович М. С. Интеграция оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве некоторых государств постсоветского пространства: современное состояние и перспективы развития / М. С. Колосович // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2016. – № 5. – С. 151–157.
30. Ахпанов А. Н. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий / А. Н. Ахпанов, А. Л. Хан // *Вестник Института законодательства РК*. – 2018. – № 3 (52). – С. 45–53.
31. Міжнародний досвід використання агентури правоохоронними органами держав Європи та США : навч. посібник / за заг. ред. Я. Ю. Кондратьєва. – Київ : КНТ, 2005. – 88 с.
32. Ховавко С. М. Правовые гарантии соблюдения конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий / С. М. Ховавко // *Общество и право*. – 2016. – № 4 (58). – С. 131–136.
33. Одношеин И. А. Судебный контроль – гарантия конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу оперативно-розыскной деятельности / И. А. Одношеин // *Юристъ-Правоведъ*. – 2018. – № 4 (87). – С. 187–192.

REFERENCES

1. Amirkhanov B.K. Covert Surveillance in the Structural Elements of the Criminally-Remedial Averment. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, vol. 7, no. 5, pp. 982–988.
2. Bekishev A.K., Kan A.G., Ibrayev A.S., Dyussebaliyeva S.S., Ibrayev N.S. Specifics of Covert Investigative Activities in Criminal Proceedings. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 58–65. DOI: 10.14505//jarle.v10.1(39).08.
3. Bernaz V D. Legal nature of the concept and general classification of covert investigative (search) actions. *Naukovii visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Seriya «Jurisprudentsiya»*, 2013, no. 5, pp. 226–230. (In Ukrainian).
4. Blahuta R.I. Covert investigative (search) actions: problems of preparation and conduct. *Yuridichnii visnik Natsional'noi akademii vnutrishnikh sprav*, 2013, no. 1, pp. 147–152. (In Ukrainian).
5. Holdberh N.O. Ensuring the constitutional rights and freedoms of a person when conducting covert investigative (search) actions in his home and other property. *Visnik Luhanskoho derzhavnoho universytetu vnutrishnikh sprav imeni E.O. Didorenka*, 2016, no. 2, pp. 47–58. (In Ukrainian).
6. Dolya E.A. *Formation of evidence based on the results of operational and investigative activities*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 376 p. (In Russ.).
7. Dubonosov E.S. *Operational and investigative activities*, a textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2012. 415 p. (In Russ.).
8. Kapkanov V.I. Problems of delimiting the suppression of crimes and provocation of their commission. *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 6, pp. 116–120. (In Russ.).
9. Orunbaev N.E. Undercover investigative actions under the new Criminal Procedure Code of Kazakhstan. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, 2015, no. 3, pp. 75–77. (In Russ.).
10. Pohoretskyi M.A., Serhieieva D.B. Covert investigative (search) actions and operational-search measures: concept, essence and relations. *Borot'ba z organizovanoyu zlochinnistyu i koruptsiyu (teoriya i praktika)*, 2014, no. 2, pp. 137–141. (In Ukrainian).
11. Serhieieva D.B. The results of covert investigative (search) actions: problematic aspects of the definition. *Pravo i gromadyans'ke suspil'stvo*, 2014, no. 1, pp. 97–106. (In Ukrainian).
12. Stel'makh V.Yu. *Investigative actions limiting the secrecy of communication*, Monograph. Moscow, Yurlit-inform Publ., 2016. 424 p. (In Russ.).
13. Tagiev S.R. *Covert investigative (search) actions in the criminal proceedings of Ukraine*. Kyiv, Dakor Publ., 2015. 440 p. (In Ukrainian).
14. Uvarov V.H. Problems of covert investigative (search) actions. *Pravo i suspil'stvo*, 2013, no. 3, pp. 134–140. (In Ukrainian).
15. Goran I., Bošković M.M. *Special measures for covert data collection in criminal proceedings: the judicial perspective*. Belgrade Centre for Security Policy Publ., 2015. 32 p. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep04787>.
16. Niemczyk Z. The Role of Covert Policing and the Use of Its Results in Criminal Proceedings Involving Unlawful Restraint for Ransom. *Internal Security*, 2017, vol. 9, iss. 1, pp. 123–140. DOI: 10.5604/01.3001.0010.7440.
17. Loftus B., Goold B., MacGiollabhui S. From a Visible Spectacle to an Invisible Presence: The Working Culture of Covert Policing. *The British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 4, pp. 629–645. DOI: 10.1093/bjc/azv076.
18. Ross J. The Place of Covert Surveillance in Democratic Societies: A Comparative Study of the United States and Germany. *The American Journal of Comparative Law*, 2007, vol. 55, iss. 3, pp. 493–579.
19. Harfield C. The Governance Of Covert Investigation. *Melbourne University Law Revue*, 2010, vol. 34, pp. 773–804.
20. Kudinov S.S., Shekhavtsov R.M., Drozdov O.M., Grinenko S.O. *Covert investigative (search) actions and the use of the results of operational and investigative activities in criminal proceedings*, a training manual, 3rd ed. Kharkiv, Oberig Publ., 2018. 540 p. (In Ukrainian).
21. Kavkaeva Yu.A., Kalenteva T.A. Legalization of these orders: problems of legal regulation in the light of the decisions of the ECHR. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatischeva*, 2019, no. 2, vol. 1, pp. 177–186. (In Russ.).

22. Zhaldak S.I. Regulatory Standards for Covert Investigations in European Criminal Procedure Law. *Visnik Akademii advokaturi Ukraini*, 2014, no. 3 (31), vol. 11, pp. 107–115. (In Russ.).
23. Koltsov D.V. The requirements of the case law of the European Court of Human Rights for the conduct of operational-search activities "Test purchase" and "Operational experiment". *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2019, no. 3 (51), pp. 48–59. (In Russ.).
24. Lapatnikov M.V. Theoretical and applied issues of delimiting provocation from lawful operational-search measures, taking into account the practice of the European Court of Human Rights. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2014, no. 2 (26), pp. 97–104. (In Russ.).
25. McBride J. *Human Rights and Criminal Procedure. The case law of the European Court of Human Rights*, 2nd ed. Council of Europe Publ., 2018. 529 p.
26. Mayorova L.V. Identification of provocations in the operational-search and criminal procedure activities, taking into account the experience of the European Court of Human Rights. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 3 (32), pp. 21–27. (In Russ.).
27. Tabunkina T.A. The value of the results of operational-search activities in proving a criminal case (taking into account the practice of the European Court of Human Rights). *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2016, no. 3 (35), pp. 200–205. (In Russ.).
28. Bagrii M.V., Lutsik V.V. *Procedural aspects of covert obtaining of information: domestic and foreign experience*, Monograph. Kharkiv, Pravo Publ., 2017. 376 p. (In Ukrainian).
29. Kolosovich M.S. Integration of operational-search and criminal procedural activities in the legislation of some states of the post-Soviet space: current state and development prospects. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 5, pp. 151–157. (In Russ.).
30. Ahpanov A.N., Han A.L. On the legal nature and differentiation of operational-search measures and covert investigative actions. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva RK*, 2018, no. 3 (52), pp. 45–53. (In Russ.).
31. Kondrat'eva Ya.Yu. (ed.). *International experience of using the agency by law enforcement agencies of Europe and the United States*, textbook manual. Kyiv, KNT Publ., 2005. 88 p. (In Ukrainian).
32. Hovavko S.M. Legal guarantees of observance of constitutional human and civil rights during operational-search activities. *Obshchestvo i pravo*, 2016, no. 4 (58), pp. 131–136. (In Russ.).
33. Odnoshein I.A. Judicial control is a guarantee of the constitutional rights of citizens involved in the field of operational-search activities. *Yurist-Pravoved*, 2018, no. 4 (87), pp. 187–192. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каплина Оксана Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса
Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого
61024, Украина, г. Харьков, ул. Пушкинская, 77
E-mail: o.v.kaplina@nlu.edu.ua
ORCID: 0000-0002-7374-9640
ResearcherID: G-4582-2019

Туманянц Ануш Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого
61024, Украина, г. Харьков, ул. Пушкинская, 77
E-mail: a.r.tumanyants@nlu.edu.ua
ORCID: 0000-0001-6403-8436
ResearcherID: AAO-1646-2021

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oxana V. Kaplina – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Criminal Procedure
Yaroslav Mudryi National Law University
77, Pushkinskaya ul., Kharkiv, 61024, Ukraine
E-mail: o.v.kaplina@nlu.edu.ua
ORCID: 0000-0002-7374-9640
ResearcherID: G-4582-2019

Anush R. Tumanyants – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Procedure
Yaroslav Mudryi National Law University
77, Pushkinskaya ul., Kharkiv, 61024, Ukraine
E-mail: a.r.tumanyants@nlu.edu.ua
ORCID: 0000-0001-6403-8436
ResearcherID: AAO-1646-2021

Крицкая Ирина Александровна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса

Национальный юридический университет

им. Ярослава Мудрого

61024, Украина, г. Харьков, ул. Пушкинская, 77

E-mail: ira24kritskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3676-4582

ResearcherID: AAY-3862-2020

Irina O. Kritskaya – PhD in Law, Assistant Professor,
Department of Criminal Procedure

Yaroslav Mudryi National Law University

77, Pushkinskaya ul., Kharkiv, 61024, Ukraine

E-mail: ira24kritskaya@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3676-4582

ResearcherID: AAY-3862-2020

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Каплина О.В. Стандарты обеспечения законности осуществления негласной деятельности в уголовном процессе: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и компаративное исследование / О.В. Каплина, А.Р. Туманянц, И.А. Крицкая // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 189–203. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).189-203.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kaplina O.V., Tumanyants A.R., Kritskaya I.O. Standards for ensuring the legality of covert activities in criminal proceedings through the prism of European Court of Human Rights. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 189–203. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).189-203. (In Russ.).